

выше Халкургия), более часты, нежели топонимы, произведенные от наименований других металлов.

Интересные сведения можно было бы получить, наконец, собрав имена собственные, связанные с добычей металлов (например Феодор Сидерокавст в грамоте XI в.¹⁵).

Очень важно сделанное Врионисом наблюдение о том, что упоминания византийских рудников учащаются с XIII в. К приведенным в статье сведениям я прибавил бы еще многочисленные свидетельства о квасцовых рудниках XIV — XV вв. в Фокее и на Лесбосе. Возникает естественный вопрос, соответствует ли учащение упоминаний о рудниках в XIII — XV вв. действительному расширению горного дела и не стоит ли это в какой-то мере в связи с развитием элементов капитализма в Средиземноморье.

Таким образом, Врионис положил начало большой и важной теме, но его работа далека от всестороннего освещения проблемы; заключение автора о континуитете горного дела в Византии не обосновано, поскольку он не показал уровня развития византийской металлодобычи в сравнении с римской.

A. K.

KONSTANTIN I METODIJE SOLUNJANI. IZVORI, PRIREDILI F. GRIVEC I F. TOMIŠIĆ

«Radovi Staroslavenskog Instituta», knj. 4. Zagreb, 1960, str. 274

Югославские ученые Ф. Гривец и Ф. Томишич опубликовали сборник источников, касающихся деятельности просветителей славянства — солунских братьев Константина (Кирилла) и Мефодия. Центральное место в томе занимают славянские жития Константина и Мефодия, обычно называемые Паннонской легендой, что, по мнению издателей, неверно: житие Мефодия во всяком случае было составлено не в Паннонии, а паннонское происхождение жития Константина спорно; к тому же и термин «легенда» может вызывать ненужные сомнения в достоверности сообщаемых житиями сведений (стр. 13).

В основу издания жития Константина положена Хиландарская рукопись XVII в., в основу жития Мефодия — рукопись Успенского монастыря в Москве XII в. Текст сопровождается различиями по другим рукописям, а также введениями (к обоим житиям), где рассматривается вопрос о рукописной традиции, и латинским переводом житий с подробным филологическим и реальным комментарием. В Приложении речь идет о некоторых частных (преимущественно терминологических) проблемах.

Помимо двух важнейших славянских источников, Гривец и Томишич включили в сборник латинские памятники [так называемую Итальянскую легенду (по Пражской рукописи), свидетельство Анастасия Библиотекаря, письма римских пап], а также латинский перевод греческого жития Климента Болгарского (в отрывках).

Текстам предпослано большое введение, написанное Гривцом, где дается характеристика всех источников — славянских, греческих и латинских. Автор считает, что славянские рукописи житий передают в общем и целом древнейший текст IX в. (он существовал уже до 885—890 гг.). Нет оснований считать Климента Болгарского автором житий — вопрос об авторстве остается открытым, причем не исключается участие Мефодия в составлении жития Константина (стр. 22).

Специально останавливается Гривец на вопросе о зависимости житий Константина и Мефодия от греческой агиографии: по его мнению, анонимные авторы подражали не агиографам VIII — IX вв., а богослову IV столетия Григорию Назианзину (стр. 24).

Подробно рассмотрены во вводной статье и другие славянские тексты: две похвалы (одна — Кириллу, другая — обоим братьям), три проложные жития, службы, так называемая Хиландарская история и иные, содержащие меньше данных [в том числе Повесть временных лет, которую автор называет: Chronographus Nestor Russus, saec. XI (строго говоря, ее следует датировать началом XII в.)]. Затем Гривец переходит к греческому житию Климента Болгарского и к латинским памятникам. В этой части особенно важно изложение взглядов П. Дево и П. Мейверта о соотношении «Итальянской легенды», на которой стоит имя Льва Остийского (рубеж XI и XII вв.), и книги Гаудериха, писавшего около 880 г. Именно Гаудерихом, т. е. еще в конце XI в., была составлена (или отредактирована?) «Итальянская легенда», а пользовался он для этого как славянскими сочинениями (ex Slavovorum litteris), так и relatio inventoris ejusdem corporis, т. е. донесением Константина, нашедшего «мощи св. Климента». Relatio Константина была, по-видимому, переведена с греческого Анастасием Библиотекарем и переслана Гаудериху (стр. 46 сл.).

Помимо «Итальянской легенды», Гривец анализирует свидетельство Анастасия, папские письма, «Обращение бавар и хорутан» и так называемые Богемские и Моравскую легенды.

¹⁵ Actes de Zographou, № 2.10.

Таким образом, книга Гривеца и Томишича — удобное пособие, содержащее основные источники по истории солунских братьев. Подробные указатели облегчают пользование текстом.

На стр. 184 в прим. 5 Гривец останавливается на вопросе, вызывавшем много споров и для нашего читателя представляющем особый интерес. Речь идет о трактовке жития Константина VIII, 15, где упомянуты «евангелие и псалтирь, росьскы писмень писано» (см. стр. 109 и разночтения на стр. 111). Гривец без аргументации отбрасывает точку зрения русских лингвистов, видевших в «русских письменах» алфавит восточных славян. Труды советских ученых, рассматривавших этот вопрос, не упомянуты вовсе¹. Сам Гривец склоняется к гипотезе Р. Якобсона, предложившего конъектуру «сурскими», т. е. сирийскими. По мнению Гривеца, Константин владел еврейским языком и поэтому легко мог начать говорить по-сирийски.

Однако и эта гипотеза (не подтверждаемая, кстати сказать, ни одной из 32 рукописей) не дает удовлетворительного решения вопроса: ведь, согласно житию, Константин различал «гласная и съгласная» — вправе ли мы говорить о гласных сирийского (арабского?) алфавита?

Вопрос о «русских письменах» пока остается нерешенным. Одновременно с книгой Гривеца и Томишича появилась статья А. С. Львова, вообще считающего этот пассаж поздней вставкой².

А. К.

S. MAZZARINO. SI PUÒ PARLARE DI RIVOLUZIONE SOCIALE ALLA FINE DEL MONDO ANTICO?

«Il passaggio dall'antichità al medioevo in occidente. Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo», IX. Spoleto, 1962, p. 410—425

В небольшой статье итальянский исследователь С. Маццарино вновь поднимает вопрос о социальной революции в конце истории античного мира. Он обращает внимание на то, что позднеримские и ранневизантийские писатели обычно проходили мимо событий, носивших революционный характер. Так, в маздакитском движении они не увидели ничего, кроме религиозной борьбы, кроме манихейства; социальные требования маздакитов ускользнули от них, кроме попытки Кавада ввести общность жен. «Если бы у нас не было других источников о маздакизме, кроме византийских, — пишет Маццарино (стр. 414), — мы бы ничего не знали ни о коммунистических требованиях в области экономики, ни вообще о социальном содержании маздакитского движения».

Маццарино останавливается на ряде событий, которые он рассматривает как проявления социальной революции. Он выступает против попыток Сомая, Бриссона и Диснера пересмотреть оценку движения циркумцеллионов как формы социального протеста — оценку, восходящую еще к Августину, современнику событий (стр. 418 сл.). Специальное внимание он уделяет движению рабов (стр. 420 сл.).

Согласно *Expositio totius mundi*, указывает Маццарино, в IV столетии особенно много рабов было в Паннонии и Мавритании. И это естественно, ибо Паннония и Мавритания были пограничными провинциями, где постоянные стычки с варварами служили источником поступления новых рабов в империю. Именно в этих областях на рубеже IV и V вв. прокатываются антиримские восстания: в Мавритании в 397 г., в Паннонии в 406 г., причем население Паннонии рассматривало варваров как освободителей.

Итальянский исследователь указывает и некоторые иные проявления народного недовольства и затем замечает: «Все факты, которые мы рассмотрели — деятельность Тотилы в Италии, движение циркумцеллионов в Африке, *hostes Pannonii* в 406 г., — все это подлинны революции низов (*vere e proprii rivoluzioni dal basso*)» (стр. 421).

Но Маццарино не ограничивается тем, что отмечает отдельные факты движений народных масс: он ставит вопрос и о сущности социальной революции, и — если пользоваться нашей терминологией — о гегемоне этой революции. По мнению Маццарино, экономический прогресс в Поздней Римской империи состоял в освобождении деревни от города (он усматривает это, в частности, в появлении сельских *nundinae*). Это порождает странное на первый взгляд явление — установление солидарности интересов колоннов и патронов (стр. 416).

Вместе с тем невыносимое бремя податей приводило к тому, что колонны выступали в большей степени против государства, нежели против своих *domini*. В таких условиях у них оставалось два пути: либо — подобно багаудам — подняться на вос-

¹ См. в последнее время: В. А. И с т р и н. 1100 лет славянской азбуке. М., 1963. Там и литература вопроса.

² А. С. Л ь в о в. Старославянское *книги — букъзы*. — КСИС, 28, 1960. стр. 69.